-Иди на улицу. Преодолей себя. - сказал голос в голове.

-Может, ты мне ещё и утопиться в канализации прикажешь? - спросил Стёпа. Он понял, что пытаться перекричать голос в голове куда труднее, чем заставить замолчать червя совести, которая кажется ничем иным, как последним пристанищем лицемера. Ведь порой к ней призывают люди абсолютно бессовестные.

-Нет. Я не могу такое посоветовать тебе, хозяин.

-Стойте, я теперь ещё и хозяин? Так что по-хозяйски тебя прошу: закрой свою пасть!

-Я не буду закрывать свою пасть. Ты сделаешь то, что я требую от тебя. Выходи. Сначала возьми рисунок, зажигалку и мангу. Она тебе ещё пригодится.

Стёпа взял зажигалку, свои тома японских комиксов, которые назывались "мангой", оделся и поплёлся на улицу - подвергаться самому страшному кошмару любого затворника - выходить в жестокий "мир" из уютного аскетизма кельи, как послушник Алёша Карамазов. Причём, неважно, чем висит на стене - иконостас, научные изыскания или вырезки из журналов для взрослых, которых у Стёпы было в избытке... Он вышел.

Двор был пуст, разорён, изрисован свастиками настолько густо, будто здесь уже давно победили фашисты, завален мусором да собачьими какашками и притом зелен - всё-таки начинался май-месяц, что немного скрашивало истинную русскую хандру типового пейзажа массивов кирпичных хрущёвок. Оставалось только, как говорится в одном, пересматриваемом каждый Новый год советском фильме, зайти в типовой кинотеатр, чтобы посмотреть типовой художественный фильм. Во дворе посреди разорённой временем и уличными хулиганами детской площадки, на которой когда-то Степашка делал "солнышко" на качелях, рыл волчьи ямы в песочнице, с радостью крича, когда в них падала какая-нибудь костлявая бабулька, крича "В смоле кипеть будете, нехристи!!!", и выбивал пушистый дефицитный ковёр на сломанном сейчас турнике, откуда упал последний спортсмен, которому целый месяц пришлось носить гипс, находилась дырявая бочка, в которой иногда сжигали мусор и грелись бомжи. Небо было пасмурным и угрюмым. Ещё чуть-чуть - и пойдёт весенний первый гром, воспетый Тютчевым.

Изумрудные пальцы кленовых листьев красивы были в этот майский день.

Крики бабульки, упавшей в эту волчью яму, вспомнились Стёпе. Неужели к нему вернулась та боль, которую он причинил? Да, перспектива торчать в четырёх стенах с сущностью, что вот-вот сведёт тебя в психушку своими бестолковыми речами, конечно, не похожа на кипение в смоле, которое ему было обещано, но всё-таки не в этом состоит смысл обывательского счастья.

-Бросай туда мангу.

-Ты рехнулась, Кира?

-Нет, я не рехнулась. Я ни капельки не рехнулась.

Это было прекрасное место для того, чтобы выкинуть туда всю коллекцию манги, которую он успел накопить за несколько лет, выпрашивая, как маленький мальчик, деньги у мамы. Стёпа, словно одержимый, ухнул всю мангу в бочку, зажёг огонь и костёр в бочке заиграл алыми и жёлтыми всполохами. Манга горела, обугливаясь и загибая страницы ввысь.

Стёпа достал рисунок девочки и начал на него смотреть.

Он сказал тихо:

-Леонай-леонай, мой рисунок - оживай...

Что такое вообще "леонай?", Стёпа не мог понимать. Всё это произошло спонтанно...

Чёрная жидкость вознеслась над бочкой.

-Что-что? - спросил сам себя Степан.

-Сейчас произойдёт то, о чём мы вместе мечтали... Я... я... АААААА!!!

-Что с тобой происходит?

-Я чувствую, как в меня вливается жизнь... Ооооооох... Боже, боже... Я не могу сдержать своих чувств... Это так приятно!

-Что-что? - удивился Стёпа. Сначала эта "тульпа" последовательно сводила его с ума пустыми разговорами, теперь заставила его сжечь всю коллекцию японских комиксов, стоимость которой составила в сумме десять тысяч рублей - а мамины деньги всё-таки были жёстко ограничены, так ещё его Кира и издаёт совершенно эротичные стоны.

Помнится, пёс Алеко и суслик Шнурок, дальний сын суриката Тимона, когда его доставали с того света, вели себя поспокойней. Может, всё дело в самой Машке, которой было только десять лет и она ещё не успела познакомиться с первыми подростковыми угрями? Всё-таки Стёпе было двадцать два года и он был весьма озабочен, чтобы выдумать такое.

-Смотри... АААААА!!! Мой... семпай... Ты... не представляешь... как это приятно... ощущать, что ты способствуешь моему появлению в реальном мире... Аааааа!!! Я не могу, я не могу, я сейчас... я сейчас... даже не знаю, что... Ты прекрасен... Я хочу тебя...

Над бочкой чёрное пятно изгибалось и извивалось в разные стороны, пока не начало вытягиваться в линию.

У Стёпы полезли на лоб глаза. Вверху происходила подлинная мистерия: сначала образовался контур головы, затем - шеи, и вот, шаг за шагом, вырисовывался силуэт идеального, соблазнительного женского тела. Самое ужасное, что они полностью повторяли тот образ идеальной девушки по имени Кира, которую Стёпа себе нафантазировал, с которой пил дешёвый кофе, с которой он смотрел на звёзды и ради которой хотел согнать жиры интенсивными тренировами в спортзале и даже взять кредит на "Инфинити", чтобы уехать на нём в далёкий Милан автостопом. Он хотел смотреть на неё, как она спит, прыгать вместе с любовью всей своей жизни по лужам, купаться в осенних листьях, смотреть, как снежинки тают на её прелестных волосах. Он хотел, чтобы весь мир принадлежал только им двоим. Это был сильф, это была сказочная принцесса, это была ламповая тян, с которой не сравнится ни одна земная красавица. Это был его личный, соблазнительный падший ангел... И она, она, ОНА, становилась реальностью на его глазах...

-О да, мой хозяин, я буду любить тебя... АААА!!! Оооох...

-Отлично, блин. - сказал Стёпа.

Чёрная жижа взорвалась, и из эпицентра взрыва вылетела...

http://tl.rulate.ru/book/66622/1788332